

# ПОЛИТЭКОНОМИЯ

---

УДК 111.32: 331.522.4: 330.342.23: 338.242

**Анатолий Колот,  
Оксана Кравчук**

## **ЧЕЛОВЕК И НОВАЯ ЭКОНОМИКА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ДОМИНАНТ РАЗВИТИЯ**

*Статья содержит авторский концепт человека как стратегического ресурса и цели социально-экономического развития, теоретико-методологический анализ взаимодействия человека и новой экономики, а также доминант их развития. Проведенное исследование убеждает в том, что трансформация индустриальной экономики в новую экономику, открывает новые возможности для развития человека, его самореализации. В то время как эта трансформация связана с действием целого ряда факторов, при котором развитие новой экономики осуществляется крайне противоречиво, через воссоздание старых и появление новых противоречий. Авторы обосновывают необходимость переноса акцента с констатации "конца знакомого мира" на формирование контуров и разработку механизмов функционирования "незнакомого мира", которым он становится для большинства населения.*

*Ключевые слова:* новая экономика, сетевой человек, человеческое развитие, социально-трудовой измерение, экономика человека.

*JEL:* J240; I310, I170, I290, I410.

Среди безотлагательных задач возрождения экономики Украины и вывода ее на траекторию устойчивого развития исключительно важная роль принадлежит научному обеспечению реформирования сферы труда, в центре которой находится экономически активный человек, с приобретенным им потенциалом, компетенциями и присущими ему мотивациями и ценностями.

Комплекс факторов, имеющих как внутреннее, так и внешнее происхождение, и между ними – глубокие изменения в структуре и иерархии движущих сил развития, перманентные кризисные явления, нарастание экономических и общественных асимметрий, необходимость придать общественному развитию устойчивую динамику, – актуализируют развитие науки о человеке, его труде и отношениях, субъектом которых он является. Признавая вклад экономической науки и имеющихся школ в научное обеспечение социально-экономического развития, в то же время вынуждены констатировать, что научные достижения в этой области нередко граничат с поражениями. Часто научные экономические исследования и по постановке проблем, и по содержанию, и по общественной значимости неадекватны потребностям. Многие авторитетные исследователи утверждают, и с ними трудно не согласиться, что экономические школы производят знания, суждения, которые приближаются к поверхности бы-

---

*Колот Анатолий Михайлович (kolot@kneu.kiev.ua) д-р экон. наук, проф.; проректор по научно-педагогической работе, заведующий кафедрой управления персоналом и экономики труда.*

*Кравчук Оксана Ивановна (kravchuk\_ok@yahoo.com) канд. экон. наук; доцент ГВУЗ "Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетьмана".*

тия, а не углубляются в системное, целостное видение мира экономики, мира труда, мира внеэкономического (морального, духовного). Как справедливо отмечает известный украинский специалист в области экономической теории Г.Задорожный, главной бедой экономистов и экономической теории второй половины прошлого и начала нынешнего века является узость их взглядов – суждений, ограниченных рамками их "экономического окопа" (Задорожный, 2012. С. 87).

В экономических науках в целом и в частности в тех, которые изучают мир труда, много неупорядоченного набора различных теорий, методов, кривых, формул, но нет системного взгляда на человека; не произошло глубокой проработки и реальной интеграции концепций человека экономического, человека социальной и человека ответственного. Как результат – вместо "древа" экономической науки имеем, по образному выражению О.Ананьина, "сад камней".

Сосредотачиваясь на социально-трудовой проблематике, подчеркнем, что составляющей глобальных преобразований и трансформаций, осуществляемых в экономике и обществе, являются принципиально новые изменения, происходящие в роли, статусе, возможностях, мотивации, ценностях человека, и прежде всего человека экономически активного. Такое утверждение следует из результатов собственных исследований и подготовленных на их основе публикаций (Колот, 2010, 2011, 2014; Колот, Гришнова, Герасименко, 2010; Лукьяненко, Поручик, Колот, Столярчук, 2011), которые убеждают в том, что мир труда в широком его понимании радикально изменился. По многим параметрам другой становится роль человека как стратегического ресурса, носителя наиболее мощного и востребованного капитала, мотиваций и интересов.

Отсюда крайняя потребность не столько уточнений и дополнений постулатов, которые сейчас превалируют, сколько развития новой парадигмы теоретических знаний о человеке, его труде и отношениях, возникающих в процессе трудовой деятельности. В развитие этого тезиса подчеркиваем, что при различных трансформациях, происходящих вокруг нас и в нас самих, возникла объективная необходимость не просто обновления понятийного аппарата, а научной проработки новой концептологии социально-трудового анализа, совершенно новой вербальной формализации явлений и процессов, которые зародились и нарастают в социально-трудовой сфере под влиянием информационно-коммуникационных технологий, и формирования нового типа человека труда.

К большому сожалению, такая постановка вопроса еще не осознана многими представителями научного сообщества, которые продолжают "лataть дыры" и предлагают, так сказать, идти вперед с повернутой назад головой. Действительно, во многих теоретических конструкциях, которые широко представлены в современной экономической литературе, образ человека, его место в координатах новой экономики, роль социального в нашей жизни все еще ближе к постулатам автора А.Смита "Исследование о природе и причинах богатства народов" (1776), чем к реалиям сегодняшнего дня.

Социально-трудовые науки и далее фокусируют свое внимание на традиционных концепциях и теориях, пытаясь объяснить процессы реальной жизни инструментарием и методическим багажом, сложившимся много лет назад. Впрочем, на повестке дня стоит проблема конструирования новых социально-трудовых моделей. Мир труда в последние годы разительно изменился. Бывшие модели, системы разрушаются и отмирают; их место должны занять новые концепции с другими свойствами и возможностями. Ведь экстраполяция свойств, закономерностей старых систем на новые реалии бесперспективна. Поэтому, повторим, на повестке дня – разработка теоретико-методологических основ новой модели человека, отражает социальные, экономические, демографические, со-

циокультурные реалии начала XXI века и учитывает тенденции развития постиндустриального общества.

Проблематика выяснения истинной роли человека как объекта и субъекта экономической деятельности была актуальной на протяжении всего периода развития экономической теории (начиная с классической), и, уверены, такой она остается и сейчас. С позиций предмета нашего исследования важно отследить (хотя бы кратко) эволюцию наиболее известных экономических учений относительно объектов и субъектов экономической деятельности и места человека в общественной развитии.

Обращаем внимание на то, что экономическая теория на протяжении нескольких веков строила свои теоретические конструкции вокруг проблематики богатства. Так, почти три века (XVI–XVIII) доминировала школа меркантилистов, для которых богатством было все, что превращается в деньги. В качестве источника богатства появлялась сфера обращения, а производство рассматривалось как одна из предпосылок создания богатства.

А.Смит в своем основном произведении "Исследование о природе и причинах богатства народов", которым была основана классическая парадигма экономической теории (политической экономии), объект исследования последней очертил как создание богатства. В более развернутом виде говорится о накоплении, распределении и использовании богатства материального – богатства вещей, богатства как совокупности материальных благ. В то же время А.Смит исследует и проблематику субъекта экономической деятельности – человека, который в его учении предстает как человек экономический (*Homo Economicus*), который руководствуется собственными интересами и поэтому ведет себя рационально, как экономический субъект<sup>1</sup>. При этом общее благосостояние формируется на основе спонтанных действий отдельных индивидов, преследующих собственные интересы. Итак, общеметодологическое положение классической экономической теории, рельефно и исчерпывающе обоснованное А.Смитом, таково: материальное богатство – это объект и цель экономической деятельности, а человек (*Homo Economicus*) – средство и субъект экономического процесса.

Постулат экономической теории, согласно которому человек – не непосредственная цель, а средство, субъект экономического развития, – это "заслуга" не только Смита, но и его последователей. Так, Дж.С.Милль в "Основах политической экономии" (1848) развил далее идеи Смита относительно цели и средства экономической деятельности. Понятие "богатство", – писал Дж.С.Милль, – необходимо для определения совокупности желаемых предметов, которыми люди обладают, не только не охватывает их собственные личности, а наоборот, противопоставляет их этим предметам. Люди, по Миллю, не являются богатством для самих себя, хотя они и служат инструментом его приобретения (Милль, 1980. С. 90). Общеизвестно определение предмета экономической теории, принадлежащее Дж.С.Миллю, как науки о законах управления общественными явлениями, возникающими как результат объединения усилий людей по производству богатства.

И в трудах К.Маркса находим смитовский методологический посыл: человек – средство, а богатство – цель. Так, полемизируя с автором

<sup>1</sup> Стоит заметить, что до написания основного своего произведения А.Смит в 1759 году издал менее известный широкой общественности труд "Теория нравственных чувств", в котором описал определенные философские, морально-духовные и психологические аспекты человека как субъекта экономической деятельности. Впрочем, в главном научном наследии А.Смита основной субъект экономического процесса – это все же "человек экономический", который одновременно и эгоистичный, и рациональный, и ориентированный исключительно на личные потребности и интересы. Из истории экономической мысли известно, что А.Смит на протяжении многих лет лелеял идею, которая так и не была воплощена в жизнь, – осуществить фундаментальное исследование человека в социуме, и не только как "существа экономического", а как личности, которая имеет разные ипостаси, взаимодействует с окружением и внешним миром.

"Учебника политической экономии" (1879) А.Вагнером, К.Маркс отмечал, что отличительной чертой его методологического подхода, реализованного при написании "Капитала", является не человек, а общественно-экономический период (Маркс, Энгельс, 1961. С. 6).

Подчеркиваем, что соотношение субъекта и объекта экономической деятельности – человека и богатства – в значительной степени воспроизведено и в постулатах неоклассической экономической теории. Изменены лишь акценты и расширено понимание мотивов экономической деятельности людей. Действительно, у представителей неоклассической школы, в отличие от классической, проблематика происхождения богатства и его распределения не является на переднем плане. Авторы этого направления экономической мысли трактуют экономическую теорию как науку об оптимальном использовании ограниченных ресурсов в целях удовлетворения потребностей отдельного индивида ("экономического человека"). Однако и эта школа экономической теории не смогла преодолеть ограниченности относительно роли и функций человека, оставив за ней функцию средства экономической деятельности. Так, один из основателей неоклассической школы экономической теории А.Маршалл в фундаментальном труде "Принципы политической экономии" (1890) отмечает, что экономическая наука – это, с одной стороны, наука о богатстве, а с другой – та часть общественной науки о деятельности человека, которая касается усилий, которые им прилагаются для удовлетворения своих потребностей (Маршалл, 1890. С. 107).

Известный французский экономист и политический деятель Р.Барр в научной работе, изданной в середине 50-х годов прошлого века, отмечает, что экономическая наука – это наука об управлении редкими ресурсами. Она изучает также отношения между целевыми установками человеческой деятельности и используемые при этом средства, однако она нейтральна по отношению к этим целевым установкам. Экономическая наука не должна ни объяснять, ни оценивать эти установки как таковые (Барр, 1994. С. 16).

Анализ наиболее цитируемых изданий современных представителей неоклассической школы свидетельствует, что и они не преодолели границ формулы "богатство – цель, человек – средство". Так, авторы классического учебника "Экономика" П.Самуэльсон и В.Нордгауз отмечают, что предмет современной экономической теории – это учение о том, как общество использует имеющиеся ресурсы, чтобы производить товары. Как видим, и по этому методологическому посылу человек остается "за бортом" экономического процесса, по умолчанию он рассматривается как "средство" рыночного организма.

Изложенные выше суждения известных мыслителей относительно цели, объекта, субъекта экономического развития, роли и места человека в обеспечении экономической и социальной динамики следует рассматривать как попытки экономистов (хотя и выдающихся) проанализировать общественные процессы, которые происходили в период их научной деятельности. Большинство их суждений, оценок, выводов является отражением экономического и социального строя тогдашней эпохи; львиная доля из них была безупречной по содержанию, нередко революционной по прозорливости и постановке. Впрочем, ставить перед собой задачу непосредственного применения теоретических конструкций XVIII – середины XX века в условиях конца XX – первых десятилетий XX века – это алогичное занятие, которое и заводит научный поиск истины в тупик. Мир природы, техники, экономики, институтов, мир самих людей по сравнению с тогдашним периодом, когда жили и творили классики экономической теории, изменился радикально. Искать в "Богатстве народов..." ответы на вызовы начала нового тысячелетия – дело безнадежное. Поэтому должны, наконец, подняться на новый уровень ответственности и начать думать и действовать иначе.

Известный российский экономист, основатель научной школы философии хозяйства, Ю.Осипов по поводу устарелости методологических основ современной экономической науки, неприемлемости доминантного категориального аппарата и других провалов современной экономической теории отмечает, что немало из мировоззренческого прошлого, понятийного, словесного сегодня никуда не годится. Слова есть, понятия есть, теории есть, концепты есть, но все они устарели и не отражают всего, что происходит вокруг. Все это трудно понять, – пишет он, – но это, к сожалению или к счастью, именно так! Это не означает, что все интеллектуальное достояние прошлого надо отбросить и забыть, это лишь означает, что сидеть на этом наследии и думать, что титаны нам что-то вдруг сами подскажут, наивно и безосновательно (Гринберг, Бабкин, Бузгалин, 2014. С. 246).

Итак, подводя итог и учитывая нынешнее состояние обработки модели человека начала XXI века, должны констатировать, что в экономической теории как в прошлом, так и современности и дальше остаются провалы в плане обоснования ее предмета, трактовки объекта и субъекта экономического процесса их взаимозависимости и подчинения. Человек в теоретических экономических конструкциях все еще рассматривается односторонне, упрощенно, смитовский образ Homo Economicus все еще "бродит" по страницах экономических изданий, перекочевывает в души и умы людей из поколения в поколение.

В нашей методологической конструкции человек предстает как цель и стратегический ресурс социально-экономического развития. В то же время нашей принципиальной позицией является и то, что на современном этапе развития экономики и общества экономическая и социальная составляющие общественного прогресса поменялись местами, доминантой номер один становятся социально-трудовые prerogatives, человеческое развитие. В то же время другой формат приобретает взаимодействие экономической и социальной компонентов развития, которые сверхплотно переплетены и должны функционировать как единый целостный механизм.

*Современную роль человека, взаимосвязь экономики и человеческого развития, проблематику социализации отношений в сфере труда следует обязательно рассматривать в контексте диалектики социальной и экономической составляющих общественного развития.* Овладение истинной сути этой диалектики является ключом к пониманию глубинных основ человеческого, трудового измерения экономики, цели его развития, потребности социализации экономического пространства.

Настаиваем на утверждении, что осознание социумом этой диалектики происходит крайне медленно и не в последнюю очередь вследствие доминирования суждений, представлений, при которых социальный фактор все еще рассматривается как производный от экономического, что придает социальному, человеческому развитию признаков вторичности. Действительно, социальный и экономический аспекты общественного развития тесно переплетены. Прежде чем распределять созданные блага и удовлетворять разнообразные потребности, необходимо их производить, и это – аксиома. В то же время это отнюдь не отрицает первоочередной значимости социального развития. Синтез социального и экономического аспектов общественного развития следует из их взаимодополняемости и двойственной роли человека в общественном производстве, а именно как фактора и цели производства, достижению которой и призвана служить экономика. Экономическому развитию всегда присущи социальные последствия, то есть оно социальное по природе. Другое дело – каким образом распределяются результаты экономической деятельности, достигается ли оптимизация интересов субъектов общественного производства, доминируют ли на поле социально-трудовой сферы процессы социализации или, наоборот, десоциализации.

Экономической наукой доказано и подтверждается практикой, что экономический и социальный прогресс, экономическое и социальное развитие согласуются и имеют одновекторную динамику тогда, когда экономические достижения сопровождаются социализацией общественных отношений и когда такая социализация проявляется прежде всего в социально-трудовой сфере и касается интересов абсолютного большинства экономически активного населения. В контексте рассматриваемой проблематики принципиально важен ответ на вопрос: ради кого и ради чего организуется производство, осуществляется экономическая деятельность и достигается экономический рост?

Утверждение, что социальная политика должна быть производной от экономической, не случайны, а являются дальнейшим восприятием человека лишь как работника, реализация способностей и самореализация которого возможны лишь на производстве. Однако условия и потребности развития новой экономики и социального государства требуют внедрения новых принципов формирования социальной политики, осознания ее современной роли в обеспечении социальной динамики. Следует исходить из того, что социальная политика уже выросла из прежних границ экономической политики, а общая экономизация политики, которая была характерна и в большой степени оправдана в доиндустриальном и индустриальном обществе, которое исповедовало другие ценности, – это уже атрибуты вчерашнего дня.

Действительно, может ли быть социальная компонента второстепенной при условии, когда магистральным направлением прогресса цивилизации становится развитие экономики знаний, а знания и инновации на 60% и более должны наполнить стоимость конечного продукта? Можно ли в дальнейшем руководствоваться традиционными представлениями о взаимосвязи экономического и социального развития, которые сформировались в эпоху индустриализма, а реальностью сегодняшнего дня являются радикальные перемены в структуре активов субъектов хозяйствования в пользу нематериальных, и львиная доля последних приходится на человеческий капитал, формирующийся преимущественно в социальной сфере?

Учитывая то, что на современном этапе НТР человек становится носителем наиболее мощного, наиболее производительного капитала – человеческого и одновременно он сохраняет статус цели производства, социальное развитие окончательно утрачивает черты вторичности относительно экономического развития. В государстве социального типа, в обществе, в котором человек рассматривается и как фактор, и как главная ценность, цель социально-экономического развития, экономическая политика должна рассматриваться исключительно как составляющая социальной политики, а не наоборот. Поэтому должны освободиться от бремени устаревших теоретических представлений о взаимосвязи и взаимодействии экономической и социальной сфер, экономической и социальной политики, точки зрения на социальную сферу как сугубо затратную. Нужно помнить, что любая догма приводит к застою, постановке ложных целей, принятию ошибочных решений, и все реформаторские усилия при этом теряют смысл.

Значительный вклад в формирование современной парадигмы взаимосвязи и взаимообусловленности социальной и экономической компонент развития, в обоснование приоритетности развития человека внес лауреат Нобелевской премии по экономике 1998 года Амартия Сен. Этот ученый последовательно и убедительно развенчивает миф, согласно которому развитие человека и создание условий для достойной жизни могут позволить себе только самые развитые страны.

А.Сен опровергает мнение, что развитие человека – это следствие создания значительного экономического потенциала, а утверждение, что изначально в той или иной стране необходимо накопить значительный экономический потенциал и только потом можно ставить вопрос о разви-

тии человека, считает и ложными, и крайне вредными. Формирование логических суждений и принятие решений начиная с высших ступеней должны осуществляться, по мнению А.Сен, по такому сценарию: сначала руководство страны в качестве приоритета общественного развития определяет создание и поддержание институтов, которые непосредственно обеспечивают формирование человеческого капитала (образование, здравоохранение, культура); дальше предстоит реальная подготовка "экономического чуда", предусматривающего масштабные инвестиции в человеческий капитал. Вклад в развитие человека должен затронуть абсолютное большинство граждан независимо от уровня их материальных доходов. Современное развитие, в трактовке А.Сена, – это расширение человеческих возможностей, человеческой свободы, это свобода выбора между различными стилями жизни, "экспансия человеческих возможностей" (Sen, 1990. P. 44; Dreze, 2002. P. 35; Sen, 1999. P. 3).

При таком видении взаимосвязи и подчинения социального и экономического в общественной жизни становится понятной **реальная роль человека как стратегического ресурса и цели современного социально-экономического развития**. В то же время предлагаем углубить имеющиеся представления по человеческому измерению новой экономики, конкретизировать изложенные ранее общие суждения и рассмотреть их сквозь призму наиболее отличительных черт экономики, которая интенсивно формируется и будет доминировать в следующие десятилетия XXI века.

Человек изменяет окружающий мир, но и он изменяет человека, выдвигает новые требования к нему. Каковы отличительные характеристики новой экономики и как они влияют на человеческое бытие? Действительно ли знакомый нам мир исчезает и мы являемся свидетелями начала нового "незнакомого мира", новой экономики и общества? Действительно ли новая экономика – это экономика не товара, а человека, и почему пространство новой экономики все больше наполняется нематериальными, внеэкономическими компонентами? Попробуем ответить на эти вопросы или по крайней мере очертить свою позицию по ним.

Переход от индустриальной экономики к экономике с другими качествами и движущими силами развития сопровождается активной научной обработкой трансформационных процессов и введением в оборот новых понятий в сфере современной экономики и социума.

По мнению авторов, что согласуется с выводами многих отечественных и зарубежных исследователей этой проблематики, наиболее ценными как в теоретическом, так и прикладном плане являются методологические основы исследования экономики, которая приходит на смену индустриальной, содержащиеся в концепциях постиндустриального общества Д.Белла, информационного общества Й.Масуды и Ф.Махлупа, нового индустриального общества Дж.Гэлбрейта, электронного общества М.Маклюэна, программируемого общества А.Турена, электронно-цифрового общества Д.Тапскотта, информационного сетевого общества М.Кастельса. В то же время подчеркнем, что среди разнообразия терминов, приведенных выше, широкое официальное признание получили два – "новая экономика" (впервые официально прозвучал в Докладе Президента США в 2001 г.) и "экономика знаний" или "экономика, основанная на знаниях".

Во всех имеющихся доктринах, содержащих теоретико-методологический анализ новой экономики и ее сущностные характеристики, справедливо отмечается кардинальное повышение роли знаний, информации в становлении и развитии этой экономики. Акцентируется внимание на том, что сейчас не только появляется больше информации, изменяется ее характер, а наше поведение основывается на новейших знаниях.

Всесторонний анализ фундаментальных цивилизационных процессов, происходящих в экономике и обществе под влиянием информационно-коммуникационных технологий и других глобальных трансформаций,

содержится в работе известного американского ученого М.Кастельса (Кастельс, 2000). Согласно его выводам, ведущей характеристикой современного общества является сетевая логика его базовой структуры, основанной на гибких горизонтально ориентированных глобальных сетях и обмене ресурсами. Значительное внимание этот исследователь уделяет анализу качественных преобразований в организации производства и изменений в содержании и характере социально-трудовых отношений (возникновение новых сетей и субъектов информационно-глобальной экономики, индивидуализация труда и т.п.).

В современной экономике новым становится все или почти все. Так, новые технологии (информационно-коммуникационные, нанотехнологии, биотехнологии и т.д.) представляют собой не традиционное развитие производительных сил, а принципиально новую производственно-экономическую систему. Новая экономика – это и новые, дифференцированные виды товаров и услуг, которые все больше создаются не отделением от природного материала ненужных элементов (токарная обработка, выплавка металла, обработки древесины и т.д.), а комбинированным соединением элементарных частиц. Новая экономика – это и новая сеть связей и отношений. Речь идет о новом формате экономических отношений, новых скоростях и новых формах обмена информацией, новых скоростях перемещения материальных, финансовых и социальных ресурсов, новых формах и новых скоростях заключения сделок, поставок продукции и осуществления финансовых операций. Новая экономика – это и применение новых технологий и других инноваций для производства "традиционных", "индустриальных" благ.

Обобщая основные черты новой экономики, выделим следующие:

- превращение знаний, интеллекта на ведущий ресурс экономического развития и главное богатство общества;
- расширение возможностей экономического роста на основе использования новейшей информации;
- преобладание в структуре экономики сферы услуг (сервисизация экономики), расширение сектора "производства человека", связанного с формированием и развитием человеческого капитала;
- виртуализация экономики, связанной с функционированием глобальной информационной сети, глобального электронного рынка товаров и услуг;
- утверждение инновационного богатства новой экономики, в которой приоритетное значение приобретает творческая, креативная деятельность человека;
- индивидуализация личности и общества;
- переход от вертикально интегрированных структур до сетевых организаций, распространение принципов равноправия и сотрудничества, доминирование последних над принципами конкуренции и иерархии;
- участие в глобальных сетевых коммуникациях как условие "конкурентного выживания", развитие конкуренции сетей.

Итак, если современную экономику развитых стран мира, как и новую экономику развивающихся стран, рассматривать сквозь призму наиболее отличительных черт по сравнению с экономикой индустриальной эпохи, то непременно приходим к выводу, что такими чертами являются крупномасштабные изменения в структуре и качестве производственных факторов, невиданный рост знаний, информации, интеллекта, инноваций. Утверждение "кто владеет информацией, тот владеет миром" сейчас уже можно воспринимать как аксиому. Перечисленные ресурсы современной экономики одновременно представляют собой и определяющие факторы повышения эффективности производства материальных и нематериальных благ и качества жизни населения.

Материальной, организационно-технической стороной этого феномена является то, что знаниевая, интеллектуальная, инновационная компонента все больше превращается в ведущую на всех этапах "жизненного цикла" новых товаров и услуг. Эти компоненты доминируют на стадии проектирования, производства, управления материальными и нематериальными активами. К тому же знания становятся предпосылкой решения таких насущных задач производства, как:

- адаптация человеческого фактора к динамично изменяющимся условиям производства;

- принятие решений по нестандартным условиям;
- организация командной работы и работы на результат;
- приобретение умения, способности учиться на протяжении всей жизни.

Экономический ресурс, представляющий собой совокупность и сочетание информации, знаний, интеллекта, инноваций, настолько важен, что его правомерно называть стратегическим. Ему принадлежит будущее до появления, не исключено, сверхстратегического ресурса, составляющими которого станут гиперинформация, гиперзнания, гиперинтеллект, главным носителем которых остается человек. Итак, в XXI веке не природные богатства, не территория, а высокие технологии, знания, интеллект будут основой экономики, источником благосостояния и качества жизни. Подтверждением этому является опыт развитых стран, где в последние десятилетия происходит интенсивное замещение основных фондов, материальных товарных запасов, других материальных активов нематериальными, физического капитала нефизическим.

Носителем знаний, компетенций, интеллекта, инноваций является человек, и прежде всего экономически активный, что и обуславливает *его ведущую роль в развитии и функционировании новой экономики*. Следовательно, новая экономика – это прежде всего новый экономически активный человек, который является ее стратегическим ресурсом, ведущей производительной силой. Если в экономике индустриального типа человек находится возле техники, обслуживая ее, то в новой экономике уже техника находится возле человека, усиливая его производительную силу. Так, один из самых авторитетных специалистов в области менеджмента Питер Друкер в публикации в журнале "Harvard Business Review" подчеркивает, что центр тяжести в трудовых отношениях быстро смещается от ручного труда к труду инновационному, к работникам знаний, то есть к тем, кто создает новое знание и активно его использует (*Управление знаниями*, 2006. С. 10).

Авторы коллективной монографии "Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствие" по поводу повышения роли знаний и интеллекта отмечают, что работники владеют основными средствами производства. Революция, – пишут они, – точнее, ее первая часть, закончена. Работники-программисты, разработчики нового программного обеспечения во Франкфурте, судостроители на верфях в Ставангере, креативщики в китайских рекламных агентствах, инженерно-технические работники в Сиднее, фабричные рабочие в Лос-Анджелесе, продавцы опционов в Сингапуре все время используют свои мозги и только иногда свою мускульную силу, чтобы создавать новые блага. В современных компаниях от 70 до 80% всего, что выполняется людьми, осуществляется при помощи их интеллекта. Основное средство производства – это скромное серая масса весом примерно 1,3 кг. Это человеческий мозг (*Риддерстрале*, 2008. С. 31).

Новая экономика действительно является новой по многим признакам, а главное, по движущим силам ее развития. Качественно новые информационно-коммуникационные, сетевые технологии в сочетании с интеллектуальным капиталом и его ведущей составляющей – человеческим капиталом – без преувеличения становятся основой новой экономики.

Подчеркиваем, что новая экономика предъявляет качественно иные требования к человеческому фактору и одновременно его формирование и развитие становятся возможными благодаря утверждению на практике нового качества человеческого и социального капитала. Не будет преувеличением и утверждение, что движущей силой новой экономики далеко является не любой человек. Так, в индустриальную эпоху в социальной структуре ведущие роли принадлежали рабочему классу и интеллигенции. Теперь же интеллигенция в классическом понимании – это реальность, уходящая в историю. Основой новой экономики, движущей силой социальных трансформаций, социальной динамики является класс, от которого идет энергия, общественная подпитка, – это креативный класс. К нему должны принадлежать люди, способные действовать нетрадиционно, инновационно, творчески (возраст, должность и даже образование здесь не имеют решающего значения). Такие люди отличаются оригинальностью, нестандартностью мышления, инновационно ориентированными поступками и действиями широкого спектра – от разработки национальных проектов к обустройству своего дома, кафедры, школы, в которой учились. Такие люди были всегда, они были востребованы и в прежние времена, а новое в их статусе, значимое для экономики и общества, связано с рядом принципиально новых реалий и обстоятельств.

Проведенное нами исследование убеждает в растущей роли человека и его креативности как факторов конкурентных преимуществ и обеспечения устойчивого развития общества. Реалии таковы, что современные технологии, материалы, сырье перестают быть критически важными для получения конкурентных преимуществ. Последние все больше перемещаются от материальных, технико-технологических ресурсов к человеческим. Прорыв в темпах, качестве роста, повышении конкурентоспособности все больше определяется компетентно-креативной компонентой трудовой деятельности. А представители креативного класса все больше превращаются из социальной группы интеллектуалов со статусом наемных работников на "класс для себя".

Таким образом, для формирования современного экономического мышления и расстановки научно обоснованных акцентов в процессе разработки социально-трудовой политики нужно не просто декларировать тезис о роли человека во всех сферах экономической общественной жизни (даже в самых ортодоксальных теориях ведущая роль человека и повышение его роли не отрицаются). Акцент следует делать на том, что новая экономика предусматривает масштабное приоритетное задействование не просто фактора, каким является человеческий капитал, а фактора, основой которого является креативность.

Известный американский социолог, автор бестселлера по проблематике креативности Ричард Флорида утверждает, что общество меняется в значительной мере потому, что мы этого хотим. Более того, эти изменения не случайны и хаотичны, как не являются они и таинственным продуктом коллективного бессознательного. Они имеют абсолютно умный и рациональный характер. Логика этих преобразований, отмечает автор, до сих пор остается скрытой от нас, поскольку преобразования все еще продолжаются. Однако в последнее время разнообразные и внешне разнородные тенденции начинают складываться в общую картину. Сейчас уже можно выявить базовый принцип, силу, управляющую этими сдвигами. Этой движущей силой стала человеческая креативность, которая играет ключевую роль в экономике и обществе. В своих профессиональных занятиях и других сферах жизни мы сегодня ценим креативность как никогда высоко и культивируем ее с особым рвением. Творческая деятельность – отличительная черта человека как вида – в наше время приобретает невиданный размах (Флорида, 2011. С. 19).

И далее Р.Флорида пишет, что принято считать, что мы живем сейчас в "информационной" экономике, или "экономике знаний". Однако более существенная истина заключается в том, что современная экономика приводится в движение человеческой креативностью. Креативность – "способность создавать значимые новые формы", согласно словарю Вебстера превратилась в основной источник конкурентного преимущества. Практически в любой отрасли производства – от автомобилестроения до индустрии моды, пищевой промышленности и информационных технологий – побеждает в конце концов тот, кто владеет творческим потенциалом. Это справедливо для любой исторической эпохи, начиная с этапа сельскохозяйственной революции и вплоть до революции промышленной. Однако лишь в последние несколько десятилетий мы пришли к четкому осознанию этого факта и начали действовать соответственно (Флорида, С. 19–20).

Повышение знаниеёмкости современного производства, с одной стороны, и высокий уровень знаниевой компоненты в человеческом потенциале – с другой, дает возможность экономически активному человеку:

- стать действенным участником процесса восприятия, использования и создания знаний;
- обеспечить инновационность трудовой деятельности, сформировать собственные конкурентные преимущества и предпосылки для достойной жизни;
- полно использовать возможности, порожденные глобализацией;
- минимизировать риски и отвести угрозы, распространяющиеся с ростом конкуренции в различных ее формах;
- повысить возможности адаптации к условиям неопределенности и быстрым изменениям.

В свете приведенных ранее суждений логична постановка вопроса об уточнении предмета современной экономической теории. Авторы статьи солидарны с такой же постановкой вопроса и выводами А.Гальчинского, который, обосновывая предмет политэкономического анализа в его широком общецивилизационном контексте, отмечает, что "... человек, богатство личности, рост её креативного потенциала – это основное средство и непосредственная цель социально-экономических преобразований; это одновременно и предмет политической экономии в широком смысле, политической экономии, которая в своих теоретических обобщениях призвана воспроизводить логику универсального эволюционизма, глобально-цивилизационного процесса, ноостических преобразований в целом" (Гальчинский, 2013. С. 58).

Формируя методологическую конструкцию относительно человека как цели социально-экономического развития, следует прислушаться и к таким выводам А.Гальчинского: "Мир меняется, когда меняемся мы сами, а не наоборот, человек меняется в соответствии с изменениями общественной среды, в которой происходит его жизнедеятельность, – таков главный методологический постулат, который освещает логику соответствующей конверсии в определениях предмета экономического анализа. Мерилом цивилизационного, в том числе и экономического, прогресса, его основным критерием становится развитие человеческой личности, ее духовного потенциала, сознания. Нужно понять не только сугубо академическую, но и прикладную значимость соответствующих обобщений. Они отражают логику нашего времени. Экономика в ее осовремененных постиндустриальных формах адекватным образом перестраивает свою целевую определенность, функциональную структуру" (Гальчинский, 2013. С. 58).

Еще раз подчеркиваем, что в методологической конструкции, которой следуют авторы статьи, человек предстает как стратегический ресурс и цель социально-экономического развития. По нашему видению, новая экономика – это экономика для человека, "экономика в человеке", это реальное воплощение в жизнь формулы выдающегося философа Древней

Греции Протагора, которая была сформулирована почти две с половиной тысячи лет назад: "человек – мера всех вещей".

В контексте заявленной проблематики – человек и новая экономика – актуальной представляется и постановка вопроса об изменении вектора направленности новой экономики и наполнения ее пространства новыми компонентами. Выскажем свое мнение более конкретно: считаем, что в интенсивно меняющемся мире, в мире экономическом предстоит **перемещение акцентов с экономики товара на экономику человека** (первые ростки этого явления уже появляются) и **наполнение экономического пространства нематериальными, внеэкономическими компонентами**.

Указанные ранее детерминанты новой экономики и постиндустриального общества не изолированные явления. За каждой из них – проявление цивилизационного тренда конца XX – начала XXI века, которым является человекоцентричность или человекоориентованность, имманентная новым социально-экономическим условиям. Именно этот тренд (человекоцентричность, человекоориентованность) является первопричиной смещения акцентов с экономики товаров на экономику человека и повышение значимости нематериального, внеэкономического.

В новой экономике под влиянием информационно-коммуникационных технологий, новых требований к человеку и новой роли последней экономическое пространство наполняется каждый раз новыми и новыми нематериальными, внеэкономическими компонентами; это экономическое пространство требует гуманизации, "очеловечивания". Речь идет о растущей значимости факторов, обстоятельств, условий, обуславливающих необходимость формирования новой **социоцентристской, человекоориентированной** экономики, в которой экономическая и социальная составляющие становятся системообразующей, неделимой целостностью. Следовательно, логика цивилизационного прогресса такова, что его мерилom, критерием становится **расширение человеческих возможностей, реализация трудового и духовного потенциала, развитие общества в самом широком его понимании**. Соответственно и новая экономика в осовремененных информационно-коммуникационных сетевых формах должна перестраивать свою целевую направленность.

Отражением глобальных изменений в экономике и обществе под влиянием информационно-коммуникационной революции является растущая самодостаточность человека, новые возможности выбора, самореализации. По этому поводу А.Гальчинский отмечает: "В новой системе отношений человек перестает быть частью экономики, всего лишь ее функциональным "кирпичиком". Наоборот – экономику конституирует человек. Такая экономика по своей сути уже не является экономикой, производящей товары; она трансформируется в экономику человека" (Гальчинский, 2013. С. 58). И далее он пишет: "Современная реальность убедительно доказывает, что повестка дня экономики производства товаров в значительной степени исчерпана. В ней не остается места для креативных инноваций. Основопологающим для системных инновационных трансформаций становится **определение механизмов трансформации экономики товара в экономику человека**. Функцию обоснования соответствующих механизмов призвана взять на себя политическая нооэкономика, которую в контексте расставленных в нашем анализе акцентов правомерно рассматривать и как политэкономии человека. Такая определенность новой парадигмы политэкономических знаний могла бы быть достаточно логичной" (2013. С. 15–16).

Одной из доминант новой экономики, как уже отмечалось, является прогрессирующая **дематериализация экономического пространства**. Суть этого феномена связана с кардинальными изменениями в структуре и иерархии факторов производства, с большим повышением роли нематериальных факторов экономического развития. Прогрессирующей демате-

риализации экономического пространства и повышению значимости вне-экономического уделяет внимание известный английский философ Дж. Гилдер, который пишет, что центральным событием XX века стала победа над материальным, и сила ума повсеместно преодолевает силу вещей (Дэвис, 2008. С. 167).

Логично такое утверждение: прорабатывая современную парадигму социально-трудового развития, следует особое внимание обратить именно на постматериальное направление эволюции экономики и общества. Существующая индустриальная модель развития и дальше раскрывает подавляющую приоритетность материальных, потребительских ценностей и соответствующих мотиваций. Новая экономика и постиндустриальное общество уже демонстрируют, а по мере их утверждения и покажут доминантность нематериальных мотиваций и ценностей.

Концепт, который отстаивают авторы, заключается в том, что развитие новой экономики и общества *должно быть связано с реальным очеловечиванием, дематериализацией общественных отношений*. Период становления новой экономики и постиндустриального общества – это путь от приоритета "приумножение богатства" к приоритету "развитие человека"; от человека, максимизирующего выгоды, к человеку физически и морально здоровому, духовно величественному, социально ответственному, самодостаточному. При таких условиях актуализируется проблема научного обеспечения постматериального направления эволюции экономики и общества.

В новой экономике, в новом обществе, которое интенсивно формируется на стыке двух тысячелетий, развитие общества должно господствовать над материальным богатством. Постматериальная цивилизация, несмотря на все противоречия и асимметрии социально-экономического развития, вскрывшиеся за полтора десятилетия XXI века, должна стать реальностью.

В развитие концепта дематериализации экономического пространства и общественных отношений подчеркиваем, что в новой экономике исключительную важность приобретает *нравственная, духовная компонента социально-экономического развития*. Эти и другие качества социального, культурного, нравственно-духовного характера в экономической литературе принято трактовать как внеэкономические факторы развития экономики и общества. Носителем ценностей и качеств, о которых речь шла ранее, являются как отдельный человек, так и определенные сообщества, коллективы, общины и социум в целом.

Таким образом, в исследованиях социально-трудовой направленности, как и в формировании социально-трудовой политики, нужно обязательно учитывать, что новая экономика, сегмент которой постоянно будет расширяться, требует на порядок более высокой духовной, нравственной, этической компоненты. Справедливо утверждение, что интенсивно формирующаяся "цивилизация знаний" не имеет ничего общего с "цивилизацией роботов". Действительно, процессы создания, распространения и использования знаний, носителем которых является творческая, креативная, инновационно ориентированная личность, невозможны без соответствующей моральной, этической компоненты, без создания атмосферы доверия, толерантности, высокоэтических отношений. У нас нет сомнений в том, что неэкономические грани новой экономики должны занять видное место в тематике научных школ "трудовиков". Определяя контуры и содержание современного труда, мы должны осуществить социогуманитарную, морально-этическую экспансию в ее фундаментальные основы.

Нашей принципиальной позицией является следующее: в интенсивно формирующейся экономике совсем иное звучание и значение приобретают явления и процессы, которые еще недавно были на втором плане. Так, доверие, солидарность, лояльность, сплоченность, как и ряд других,

базирующихся на ценностных установках и морально-этических, социокультурных принципах, становятся настолько важными социальными ресурсами, что не подлежат никакому сравнению с их прежним значениям. В своих научно-прикладных исследованиях должны исходить из того, что чисто экономические постулаты все меньше предстают в виде строительного материала, из которого можно сооружать настоящую и будущую экономическую жизнь страны, домохозяйства, каждого человека. В то время как строительный материал все больше должны предоставлять внеэкономические факторы – морально-духовные, связанные с сознанием, вечными человеческими ценностями как индивидуального, так и коллективного, общественного характера.

Экс-министр финансов Польши, автор ряда фундаментальных трудов по проблематике рыночной трансформации постсоциалистических стран, глобализации мировой экономики и трансформации экономических систем Г.Колодко по поводу значения внеэкономического, в частности культуры, утверждает, что культура означает для экономического развития больше, чем процентная ставка или курс обмена валют. Культура означает больше, чем проценты, для экономического развития и социального роста. Это говорю я, – пишет он, – человек, который "всего лишь" четыре раза был министром финансов (*Гринберг, Бабкин, Бузгалин*, 2014. С. 129).

Таким образом, есть все основания утверждать, что духовность, нравственность приобретают такое значение в обеспечении устойчивой экономической и социальной динамики, что морально-духовные ценности можем рассматривать как движущую силу развития, не менее значимую, чем материальные факторы. И в этом утверждении нет неоправданного субъективизма, идеализма, непонимания роли экономического базиса. Необходимо осознать самим и убедить других, что для того, чтобы стать на путь устойчивого развития, необходимо, чтобы абсолютное большинство экономически активного населения и общество в целом преодолели социокультурный, социоморальный барьер, то есть чтобы утвердились высокие общественные ценности, исчезли имеющиеся ментальные перекосы, сформировалась современная корпоративная культура.

*Составляющей новейших тенденций в системе "человек – новая экономика" является тренд преодоления наемного труда.* Феномен преодоления наемного труда, который все активнее обсуждается на страницах философской, социологической, экономической литературы, и далее остаётся необъясненным, непонятым для широкой общественности, образно говоря, тумана здесь больше, чем света. Своеобразное и близкое к истине, по нашему мнению, объяснение этого феномена находим у П.Друкера, который отмечает, что в индустриальной экономике, основанной на наемном, в основном физическом, труде работники в большинстве своём не обладают средствами производства. Они должны обладать – и конечно обладают – большим и ценным опытом и практическими навыками. Последние (опыт и навыки) можно применить на одном рабочем месте, а на других они уже не "портативные". В новой же экономике, основанной преимущественно на умственном труде, работники – носители этой работы – обладают особыми средствами производства, представленными современными знаниями, компетенциями, мотивациями, которые есть в их голове. Пользуясь терминологией П. Друкера, все перечисленное – это абсолютно "портативный" и крайне вместительный вид основного капитала. Поскольку работники инновационного, умственного труда обладают своими, индивидуализированными, средствами производства, они очень мобильны. Работники физического труда, так сказать, более заинтересованы в работе, чем работа в них. Возможно, – рассуждает П. Друкер, – не обо всех работниках умственного труда можно сказать, что они нужны работе больше, чем работа им. Но в значительном большинстве случаев взаимо-

отношения работников интеллектуального труда с организацией, которая обеспечивает их работой, характеризуется тем, что они заинтересованы друг в друге в равной степени (*Друкер*, 2012. С. 174).

Настаиваем на том, что ведущей составляющей глобальных изменений в "мире труда" следует рассматривать тренд сочетания в одном человеке и работника, и владельца, и носителя инновационных, интеллектуальных компетенций. Речь идет о движении от человека экономического к человеку креативному, творческому, инновационно ориентированному, который является владельцем все более весомых нематериальных активов.

Действительно, на протяжении многих веков экономическое развитие осуществлялось в условиях отделения труда от средств производства, противоречия между трудом и капиталом. Зато постиндустриальное общество, новая экономика, присущие им отношения все больше объединяют в одном лице как собственника средств производства (знаний, информации), так и носителя способностей к труду (умений, навыков, готовности их использовать, всей гаммы компетенций). Таким образом, речь идет об утверждении общества и экономики, где труд и капитал сочетаются в человеке, а развитие на протяжении всей жизни его физических, умственных, интеллектуальных способностей и способностей является залогом накопления интеллектуального капитала, повышения производительности труда, улучшения качества жизни.

Есть все основания утверждать, что трансформация индустриальной экономики в новую, информационно-сетевую, открывает новые возможности для развития человека, его самореализации, самоидентификации. В то же время эта трансформация связана с действием ряда факторов, при которой развитие "экономики человека", "экономики души", осуществляется крайне противоречиво из-за воссоздания старых и появления новых противоречий между индивидуализацией и социализацией, индивидуальным и коллективным; индивидуализацией и потребностью солидарности, сплоченности и реализации общественного интереса. Развиваются новые, далеко не идеальные характеристики сетевого человека, появляются определенные нежелательные, социальные по содержанию тенденции в сфере занятости и рынка труда.

Следовательно, отдельный пласт проблем – противоречивое влияние информационно-коммуникационных технологий, сетевых институтов на человека, массовое развитие в последнем асоциальных характеристик, распространение в социуме так называемой негативной индивидуализации.

По заключению авторитетных философов, экономистов, социологов современности все более мощной индивидуализирующей силой становятся информационно-коммуникационные технологии, которые меняют как технико-технологические основы новой экономики, так и образ жизни членов общества. Справедливо утверждение Дж.Найсбитта о том, что новые технические средства, такие как компьютеры, сотовые телефоны, факсы, утверждают триумф индивидуального над коллективным (*Найсбитт*, 2000. С. 461).

Действительно, сегодня эгоистичный индивидуализм, эгоцентризм развиваются под влиянием не только "рыковизации" общественных отношений, но и информатизации, которая также является мощной индивидуализирующей силой. Новые информационные технологии, по мнению Э.Корниша, могут сделать людей очень эгоцентричными. Потребитель информации, все больше и больше увлеченный самим собой, начинает понимать, что ему нет дела до других людей – на них у него просто не хватает времени (*Корниш*, 2000. С. 203–204).

Проблематика противоречивых последствий индивидуализации в ее широком понимании подробно исследована авторами в статье, размещенной в предыдущем выпуске журнала. В развитие обнародованного у нас есть возможность еще раз выразить основной наш концепт: цену, которую

современные общества платят за наличный формат глобального рынка и растущей индивидуализации, считаем безосновательно завышенной.

Результаты собственных исследований, которые согласуются с выводами многих авторитетных ученых, убеждают в том, что развертывание сферы действия новой экономики все интенсивнее сопровождается действием многочисленных противоречивых тенденций в области человеческого развития и функционирования социально-трудовой сферы. Последняя все больше ассоциируется с уникальным симбиозом явлений, процессов, достижений, потерь и тенденций развития, не имеющие однозначной оценки.

На многих примерах развитых стран, да и из отечественной практики, можем уже теперь убедиться в сложном переплетении противоречивых тенденций в области социально-трудового, человеческого развития, среди которых выделим следующие:

- повышается спрос на высококвалифицированный, креативный персонал как носитель мощного человеческого капитала, который все больше совмещается с незанятостью работников низкой квалификации, к тому же недостаточно мобильных и не способных приобрести новые компетенции, требуемые современным производством;

- приобретает гипертрофированные размеры дифференциация трудовых доходов работников, которая нередко превышает реальные различия в уровнях накопленного человеческого капитала и результатах его использования;

- на фоне улучшения структуры рабочих мест и в целом стабильного повышения средних трудовых доходов работников расширяется гетто маргинальной занятости с неприемлемым вознаграждением за предоставленные услуги, которое не обеспечивает достойных условий жизни. Бедность среди экономически активного населения сохраняется в значительных масштабах и является одним из факторов, который снижает социальную сплоченность общества;

- происходят многовекторные и широкомасштабные изменения на рынке труда, которые, однако, далеко не всегда соответствуют интересам наемных работников. Так, получает невиданные ранее масштабы применение нестандартных форм занятости и режимов рабочего времени и атипичных трудовых договоров. Распространение указанных форм занятости и трудовых договоров все чаще становится следствием не столько реальных изменений в структуре производства и организационно-экономических особенностях его функционирования, сколько ослабления соотношения сил работодателей и наемных работников вследствие слабости (неадекватности) национального законодательства в сфере труда и снижения роли социального диалога. Трудовое законодательство имеет тенденцию к либерализации, а коллективно-договорное регулирование не охватывает всего разнообразия форм занятости, которые являются реальностью сегодняшнего дня;

- появляются признаки десоциализации социально-трудовых отношений, проявлением которых является: снижение доли заработной платы в ВВП многих стран, в т. ч. развитых; осложнение доступа экономически активного населения к имеющимся до сих пор формам и видам социальной защиты; увеличение отчислений работников в фонды социального страхования; попытки властных структур решить проблемы, порожденные ухудшением демоэкономических показателей, перекладыванием их на экономически активное население;

- интересы повышения конкурентоспособности экономики и создания предпосылок для устойчивого социального развития требуют все более растущего внимания к проблемам социально ответственного поведения бизнеса. Впрочем, доля бизнес-структур, системно поддерживающих свой имидж, которые упорно работают над улучшением деловой репутации

ции и осуществляют свою деятельность на принципах социальной ответственности, остается низкой;

- основные сегменты социальной структуры общества все больше различаются по уровню благосостояния, стилю жизни, нормам поведения. Раскол обществ, которые усиливает экономическая глобализация в ее нынешнем формате, затрудняет формирование и функционирование демократических институтов государства и гражданского общества, поскольку подрывается основа демократии – социальное согласие по базовым ценностям и принципам жизнедеятельности;

- в условиях либерализации экономических отношений и глобальных изменений в поведении экономических институтов происходит эрозия "культуры солидарности". Вместо этого набирают силу тенденции, в основу которых положена индивидуализация в широком ее понимании. Изменения, происходящие в культуре социального поведения людей, попытки последних решать социальные проблемы самостоятельно, массовые настроения десолидарности дают основания утверждать о формировании в глобализирующемся мире, "индивидуализированных обществ" или, по крайней мере, о растущих масштабах индивидуализации как современного феномена, что работает на снижение социальной сплоченности.

Обобщая, следует отметить, что в условиях становления новой экономики одним из существенных препятствий на пути устойчивого развития экономики и общества становится углубление несоответствия между потребностью повышения морально-духовного потенциала социума, с одной стороны, и реальным ходом событий, а именно – нежелательными изменениями в структуре ценностей и социальных норм поведения членов общества и его институтов – с другой.

Действительно, противоречивое влияние процессов глобализации на общественное бытие, потребность приобретения неоспоримых конкурентных преимуществ, нарастание угроз в различных формах, обострение проблемы сохранения человечества как такового – эти и ряд других обстоятельств актуализируют значение морально-духовной компоненты в совокупном потенциале социума. Зато характерной особенностью современности является снижение роли многих моральных устоев, на которые веками опирались члены общества, – социальных и культурных традиций, родственных связей, авторитета старшего поколения, веры, религии, ответственности в широком ее понимании. То есть речь идет о глубоких изменениях в структуре традиционных ценностей членов общества, деградацию или утрату многих из них. Однако потенциал этих ценностей не исчерпан, и его необходимо восстанавливать и наращивать для обеспечения устойчивого развития общества.

Нежелательные изменения в структуре, иерархии социальных норм вызывают формирование такого положения, когда жизненный путь индивида можно рассматривать как отдельно взятый *временной сегмент*, который почти не связан с наследственностью поколений. При так называемой *непрерывной* модели жизнедеятельности индивид теряет традиционные в прошлом внешние устои, а новые создаются крайне медленно, вследствие чего социальные системы теряют устойчивость. Эту глобальную проблему современности изучает немало авторитетных исследователей. Так, английский ученый Э.Гидденс в научном труде "Последствия современности", вышедшем в конце XX века, обращает внимание на радикальные изменения в содержании межличностных отношений, диспропорции в социальном развитии, изменения в структуре ценностей членов общества (Giddens, 1990). По его мнению, с которым трудно не согласиться, для современного общества характерен рост дезориентированности людей, источником которой является разрыв наследственности в системе развития социума, а также социальных и культурных традиций (1990, Р. 132).

Тенденция к снижению многих морально-духовных качеств, которыми еще недавно владел социум, как и недооценка их значимости, может иметь глобальные непредсказуемые последствия для стран и в целом цивилизации. Этому нас учит история и этому уделяют внимание все больше ученых разных отраслей наук (экономических, социальных, политологических, исторических и т.д.) и, в частности, французский ученый Г.Лебон, который в своей монографии "Психология народов и масс" отмечает, что римляне времен упадка империи имели более утонченный ум, чем их предки, но потеряли прежние свои качества – способность жертвовать собой ради идеала, настойчивость, энергию, незыблемое уважение к закону, непобедимое упорство, формировавшие величие их предков. Поэтому именно деградация морально-духовных качеств стала одной из основных причин распада империи (Лебон, 2010 С. 34).

Председатель Польского экономического сообщества профессор Варшавской школы экономики Э.Мончинская обращает внимание на многочисленные асимметрии развития новой (сетевой) экономики и, в частности, на недоиспользование потенциала сетевого человека, и привлекает внимание к следующему: одновременно с развитием информационных технологий все сильнее сказываются различные диспропорции между требованиями информационной революции, с одной стороны, и старыми навыками, принципами и институциональными формами – с другой. При этом все ярче проявляется дихотомия знаний и мудрости. В современном мире ресурсы информации растут очень быстро, что создает проблемы для их рационального использования и обработки. Креативный человеческий потенциал тратится на выполнение простых технических операций, необходимых для обработки и селекции больших объемов информации. И именно поэтому огромный массив информации в полной мере не трансформируется в знания. В свою очередь, знания не превращаются в мудрость. Иными словами, информация > знаний > мудрости. Это означает, что ресурсы информации больше ресурсов знаний, а последние больше ресурсов мудрости. Такая ситуация может стать источником опасных дисфункций в глобальной экономике. Хотя мы знаем все больше, иногда мы все меньше понимаем. При этом и практика, и исследования подтверждают тот факт, что вопреки нашим представлениям, несмотря на растущие объемы информации, мы все в меньшей степени оказываемся способными руководствоваться в наших действиях собственными, полностью автономными решениями (Гринберг, Бабкин, Бузгалин, 2014. С. 152 ).

В завершение подчеркнем, что новая экономика, новый формат экономического и социального, новые признаки и характеристики сетевого человека – это будущее, которое интенсивно наступает и является реальным, пришло в наши домохозяйства, организации, и только наш консерватизм часто мешает видеть очевидное.

Экс-президент международной социологической ассоциации И.Валлерстайн в работе с символическим названием "Конец знакомого мира. Социология XXI века" утверждает, что изменения в мирах, окружающих человека, будут ускоряться, и современная миросистема как система историческая вступила в стадию завершающего кризиса и вряд ли будет существовать через пятьдесят лет. Социум первой половины XXI века по своим трудностям, неустойчивости и одновременно открытости в значительной степени превзойдет все, виденное нами в веке XX (Валлерстайн, 2003. С. 5).

Проведенный нами анализ убеждает, что динамизм, масштабность, многовекторность изменений во всех сферах жизнедеятельности человека будут определяющим трендом ближайших десятилетий. Продлится изменение всех миров, окружающих человека, – природы, техники, институ-

тов, труда, как и мира самих людей. И эти изменения нельзя будет оценивать однозначно положительно или отрицательно.

В новой экономике для человека будут появляться одновременно и новые возможности, и новые вызовы и испытания. Среди последних едва ли не главное – обострение проблем занятости. Уже не как футурологическое предвидение, а как возможный реальный сценарий теории и практики обсуждают известное соотношение 20:80, согласно которому новая экономика будет нуждаться в использовании приблизительно 20% экономически активного населения. Скорее, такая оценка является неоправданно пессимистичной. Однако результаты практически всех исследований как теоретического, так и прикладного, эмпирического характера свидетельствуют, что новая экономика с ее информационно-коммуникационными сетевыми, нанотехнологиями все больше и больше будет вызывать существенные изменения в структуре и масштабах занятости.

Президент Американской социологической ассоциации Р.Коллинз в статье "Средний класс без работы: выходы закрываются", которая вошла в коллективную монографию, подготовленную пятью известными социологами США, отмечает, что долгосрочная структурная слабость капитализма сегодня выходит на передний план. Это техническое замещение человеческого труда машинами, к чему приводит компьютеризация и распространение информационных технологий в последние двадцать лет. Сейчас этот процесс ускоряется и уже угрожает существованию среднего класса (*Валлерстайн, Коллинз, Манн, Дерлугьян, Калхун, 2015. С. 61*). И далее известный социолог современности подчеркивает, что крах капитализма из-за технологического замещения не случался. До 1980–1990-х годов механизация в первую очередь замещала ручной труд. Но последняя технологическая волна принесла с собой замещение управленческого труда и первое сокращение среднего класса. Информационные технологии – это технологии коммуникации, и они открывают вторую великую эпоху сокращения рабочих мест, замещение коммуникативной деятельности, которую, собственно, и осуществляет средний класс. К механизации теперь добавились роботизация и электронизация, которые будут определять наше долгосрочное будущее (2015. С. 63–64).

И далее Р.Коллинз пишет, что когда из-за автоматизации сократился рабочий класс, капитализм спасся, передвинув высвобожденные массы в растущие ряды среднего класса. Сейчас компьютеризация, Интернет и наплыв новых микроэлектронных устройств начинает сокращать средний класс. Может капитализм пережить эту вторую волну технологического замещения? – спрашивает он. В прошлом капитализм обходил кризис технологического замещения пятью основными путями. Я берусь показать, – уверяет он, – что сейчас все пять путей оказываются заблокированными. Все пути заводят в тупик (2015. С. 64).

Р.Коллинз критически воспринимает оптимизм представителей научных школ, которые, взяв на вооружение концепцию "творческого разрушения" Шумпетера, пытаются доказать, что количество рабочих мест, которые создаются благодаря новым товарам и услугам, непременно компенсирует потерю рабочих мест в старых разрушающихся отраслях. Р.Коллинз не без основания считает, что такой оптимизм – не более чем экстраполяция прошлых тенденций, и отмечает, что ни одна из этих теорий не принимает во внимание технологическое замещение коммуникативной деятельности – тот спасательный клапан, который ранее компенсировал создание новых рабочих мест взамен утраченных. Утверждается, что по мере того, как телефонные операторы и канцелярские служащие будут терять работу из-за внедрения автоматизированных и компьютерных систем, ровно такое же количество рабочих мест будет создаваться для разработчиков программ, компьютерных техников и продавцов мобильных телефонов. Но еще никто не привел убедительных объяснений,

почему это количество должно быть равным, не говоря уже о том, почему автоматизация технических и коммуникативных задач (например, появление онлайн-магазинов) не может абсолютно уменьшать количество рабочих мест для офисных работников (2015. С. 66).

Требуют внимания и не могут не побуждать к размышлениям такие утверждения Р.Коллинза: компьютеризация среднего класса не замещается созданием новых рабочих мест. Новые рабочие места создаются, но их количество меньше по сравнению с тем, что было раньше, равно как меньше и доходы. Поэтому все программы перекалфикации для сокращенных работников не особо влияют на показатели структурной безработицы. Компьютеризация и Интернет создали новые сферы труда: разработка программного обеспечения, создание веб-сайтов, различные надомные онлайн-информационные и консультационные услуги. Последние обычно плохо оплачиваются. Даже если информационные технологии создают новые виды деятельности, они не создают оплачиваемых вакансий в количестве, равном тому, которое было ими уничтожено (2015. С. 66).

При нарастании новых вызовов и испытаний, которые ждут экономически активного человека в ближайшей перспективе, более сложные требования возникают перед экономической наукой, на чем уже акцентировалось ранее. Надо быть готовыми к ответу на множество новых вопросов, встающих перед социумом в условиях глобальных трансформаций всего, что окружает человека. Неотложная задача, вставшая уже сейчас перед каждым сознательным человеком, а особенно перед ученым, – распознать, понять глубину вызовов современности, оценить свой потенциал и возможности, ответить на них, с тем чтобы окружающий мир был безопасным, благоприятным для устойчивого развития.

Резюмируя, отметим, что к основным научным задачам на современном этапе следует отнести перенос акцента с констатации "конца знакомого мира" на определение контуров и обработки механизмов функционирования "незнакомого мира", которым он становится для большинства экономически активного населения. Также выразим надежду, что концепты и суждения, являющиеся содержанием этой статьи, станут "кирпичиками", которые смогут заложить основы обновленной модели человека в новой экономике и в постиндустриальном обществе.

### **Литература**

- Барр Р. (1994) Политическая экономия: в 2-х т. Т.1. М.: Междунар. отношения. С. 16.
- Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г., Калхун К. (2015) Есть ли будущее у капитализма? // Сб. статей. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 61–66.
- Гальчинський А. (2013) Політична нооекономіка: начала оновленої парадигми економічних знань. К.: Либідь. С. 15–58.
- Гринберг Р.С., Бабкин К.А., Бузгалин А.В. (2014) "Экономика для человека": социально ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора: материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция. С. 129–246.
- Друкер П. (2012) Менеджмент. Вызовы XXI века. М.: Манн, Иванов и Фербер. С. 174.
- Дэвис Э. (2008) Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург. С. 167.
- Задорожный Г. В. (2012) Социальная экономика: предмет и место в постнеклассическом познании // Вопросы политической экономии: науч. электрон. экон. журн. № 1 (2). С. 87.
- Кастельс М. (2000) Информационная эпоха: экономика, общество и культура М.: ГУ ВШЭ.
- Колот А.М. (2010) Соціально-трудова сфера: стан відносин, нові виклики, тенденції розвитку : монографія. К.: КНЕУ.
- Колот А.М. (2011) Діалектика економічного і соціального розвитку як предмет наукових досліджень // Україна : аспекти праці. № 5. С. 3–8.

- Колот А.М. (2014) Наукове забезпечення управління працею та соціально-трудовими відносинами на засадах міждисциплінарного підходу // Україна: аспекти праці. № 8. С. 3–9.
- Колот А.М., Грішнова О.А., Герасименко О.О. (2010) Соціалізація відносин у сфері праці в контексті стійкого розвитку : монографія. К. : КНЕУ.
- Корниш Э. (2000) Кибербудущее // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. М. С. 203–204.
- Лебон Г. (2010) Психология народов и масс. Челябинск: Социум. С. 34.
- Лук'яненко Д.Г., Поручник А.М., Колот А.М., Столярчук Я.М. (2011) Ресурси та моделі глобального розвитку : монографія. К. : КНЕУ.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1961) Твори. Т. 19. С. 6.
- Маршалл А. (1890) Принципы политической экономии. М., Т. 1. С. 107.
- Милль Дж. С. (1980) Основы политической экономии. М., Т. 1. С. 90.
- Найсбитт Дж. (2000) Мегатренды на перспективу до 2000 года // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. М. С. 461.
- Риддерстрале Й. (2008) Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствии. М. : Манн, Иванов и Фербер. С. 31.
- Управление знаниями (2006). М.: Альпина Бизнес Букс. С. 10.
- Флорида Р. (2011) Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI. С. 19.
- Dreze J. (2002) India: Development and participation. Oxford. P. 35.
- Giddens A. (1990) The Consequences OF Modernity. Cambridge: Polity Press. P.132.
- Sen A. (1990) Development as Capability Expansion // Human Development and the International Development Strategy for the 1990s. P. 44.
- Sen A. (1999) Development as Freedom. Oxford. P. 3.

Поступила в редакцию 03.03.2015 г.

## MAN AND THE NEW ECONOMY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE INTERACTION AND THE DOMINANT DEVELOPMENT

*Anatolii Kolot, Oksana Kravchuk*

**Author affiliation:** Anatolii Kolot, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Personnel Management and Labor Economics, Director, Institute of Industrial Relations, Vice Rector in Charge of Research and Academic Affairs, Kyiv Vadym Hetman National Economic University. E-mail: kolot@kneu.kiev.ua;

Oksana Kravchuk, PhD in Economics, Assistant Professor, Department of Personnel Management and Labor Economics, Kyiv Vadym Hetman National Economic University. E-mail: kravchuk\_ok@yahoo.com.

The article contains the authors' concept of man as a strategic resource and goal of socio-economic development and the theoretical-methodological analysis of the interaction between man and the new economy, in terms of the dominants of their development. Authors argue that the transformation of the industrial economy into the new economy opens up new opportunities for man's development and self-realization. At the same time, this transformation is associated with the action of a number of factors making the development of the new economy extremely controversial, due to the reproduction of old contradictions and the emergence of new ones. Authors prove the need of shifting the emphasis from ascertaining "the end of the familiar world" to outlining and mastering the mechanisms of the functioning of "the unfamiliar world" which it becomes for most people.

**Key words:** new economy, network person, human development, socio-labor dimension, human economy.

**JEL:** J240; I310, I170, I290, I410.